

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
**ПИТЕРА
ДЖЕЙМСА**

Кровная месть

Провидица

Одержимость

Алхимик

Пророчество

*За сумеречным
порогом*

Прыжок
над пропастью

Искушение

Призраки прошлого

Роковой выбор

ПИТЕР
ДЖЕЙМС

**ЗА СУМЕРЕЧНЫМ
ПОРОГОМ**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 40

Peter James
TWILIGHT
Copyright © The Peter James Partnership, 1991
All rights reserved
First published in 1991 by Orion, London

Перевод с английского О. Сидоровой

Оформление обложки И. Кучмы

ISBN 978-5-389-16488-8

© Перевод. ООО «Издательство
Центрполиграф», 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Джо и Лили

Вторник, 16 октября 1990 года

Первый знак был подан меньше чем через час после того, как похоронный кортеж покинул маленькое кладбище за церковью. Три глухих удара из наспех засыпанной могилы. Их услышал церковный служитель, хотя позднее один из служек, несших покров, признался: ему показалось, будто в гробу что-то шевельнулось, но он побоялся поставить себя в глупое положение и ничего не сказал.

Церковный служитель был шестидесятисемилетним вдовцом, старательным и не слишком впечатлительным человеком. Горе оставило на его лице неизгладимый след; временами он завидовал мертвецам в их могилах. В тот самый полдень он, как всегда, вошел через заднюю калитку и поспешно зашагал по мощеной дорожке через кладбище — хотел подготовить церковь к обряду причастия на следующее утро и вернуться домой до того, как начнется дождь.

Проходя мимо свежей могилы — вокруг нее лежали венки и цветы, — он потупил взор и почувствовал стеснение в груди, которое всегда появлялось у него в подобные моменты, болезненно напоминавшие о похоронах жены, которая умерла семь лет назад. Со времени ее смерти несчастья других редко трогали его. Но эту смерть он принял близко к сердцу, возможно, потому, что знал покойную всю ее жизнь, а может быть, из-за ее возраста, а может, просто из-за того, что трудно было поверить: такая хорошенькая и жизнерадостная женщина — и вдруг мертва.

Он резко остановился, вздрогнув от звука, который, как ему показалось, исходил из-под земли, и прислушался, оглядываясь вокруг, в сомнении, уж не почудилось ли ему это.

Ветки тисового дерева громко стучали по стене церкви. Звездное небо, похожее на мрамор, но несколько темнее того, что был на могильных плитах, становилось все мрачнее.

«Ветер, — подумал служитель, — просто порыв ветра». И, понутив голову, снова заторопился. Подойдя к portalу церкви, он опять услышал этот звук.

Упали первые капли дождя, но он не обратил на них внимания, продолжая настороженно прислушиваться, стараясь расслышать что-нибудь сквозь свое хриплое от одышки дыхание. Он медленно пошел назад мимо ровных рядов надгробных камней крошечного кладбища, осторожно приближаясь к свежей могиле, будто подходил к краю обрыва, и остановился на безопасном расстоянии, вглядываясь в темный прямоугольник и аккуратный холмик сырой земли, смешанной с известняком, рядом с ним, который завтра утром разровняет могильщик.

Салли Макензи. Впоследствии миссис Салли Дональдсон. Двадцати трех лет. Жизнь в ней была ключом, но у нее всегда находилось время для других. Крестилась тут, была в отряде девочек-скаутов проводником, потом добилась места в университете, где и встретила со своим мужем Кевином, неглупым, уверенным в себе молодым человеком, который, как кто-то сказал, работал в страховой компании. Их обвенчали едва ли год назад, и он помнил, как в день свадьбы молодой супруг сиял от гордости, словно выиграл самый большой приз в мире.

Вчера же лицо молодого человека окаменело от горя, словно он никогда не знал счастья и радости.

Поговаривали, это из-за того, как все произошло. Внезапно, слишком внезапно. И потому перенести это было еще тяжелее, если можно вообще перенести такое, шептались люди. Церковный служитель не был уверен, что неожиданная смерть хуже, чем продолжительный процесс умирания. Когда умерла его жена, говорили, что это было милосердным избавлением. Для нее, но не для него.

Впереди по дорожке ветер гнал красную конфетную обертку. Служитель прислушался, замерев, не обращая внимания на дождь. Снова подул ветер, зашуршал целлофан, в который были завернуты цветы, и он ясно представил их яркие, сочные тона — белые, красные, розовые. Они казались такими живыми на фоне сырой земли, сухой травы и осенних буков, росших вдоль кладбищенской ограды. На ветру забила траурная лента, и он наклонился, чтобы прочесть надпись на ней: «Сал, со всей нашей любовью». Другая лента, на огромном букете малиновых роз, перевернулась, капризно извиваясь вокруг зеленой ленточки, которой она была привязана к букету: «Сал, прощай навек. *Кевин*».

Одинокий голубь быстро пролетел у него над головой, ветка тиса снова застучала по стене церкви. Дождь усилился. Завтра служитель соберет цветы, согласно желанию вдовца, и отнесет их в хоспис в Брайтоне. Он внимательно посмотрел на темный четырехугольник: пока только тонкий слой почвы покрывал гроб. Земля после долгого засушливого лета все еще была твердой и комковатой, и несколько комков скатились с могилы.

Кусочки известняка падают на крышку гроба — только и всего.

Церковный служитель повернулся и поспешил под крышу портала мимо доски с указующими перстами: «ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА, УТРЕННИЙ КОФЕ, ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА РЕМОНТ ЦЕРКОВНОЙ КРЫШИ», повернул кольцо дубовой двери, закрывшейся за ним со стуком, который повторило эхо, и вошел в маленькую церквушку. Внутри было тихо и спокойно. Его взгляд привычно скользнул по каменной купели и аккуратным стопкам книжек с гимнами, по выцветшим фрескам на стенах. Христос скорбно смотрел вниз с витража над алтарем. На стене у двери висели таблички с именами местных жителей, погибших на войне. На деревянном стеллаже под ними — стопка плохо напечатанных брошюр с историей церкви и церковного прихода — тридцать пенсов за штуку. Там же стояла коробка для денег.

Он прошел вниз по боковому проходу между скамьями к кафедре и принялся снимать с указателя на стене пожелтевшие бакелитовые номера, указывавшие гимны, которые поют на похоронах: «Расставайся со мной без печали» и «Иерусалим». Он убирал подушечки для коленопреклонения, молитвенники и листки со списком служб, оставленные скорбящими, равнодушно бормоча: «И те ушли в древние времена...» — и не слышал отчаянных глухих ударов, исходивших из могилы молодой женщины, которую похоронили в полдень.

Вторник, 9 мая 1967 года

Харви Суайр, восемнадцатилетний коротышка с пухлыми щеками, прямыми каштановыми волосами и глубоко посаженными серыми глазками, сидел, задумавшись, в раздевалке, где пахло застоявшимся потом, туалетом и гуталином. Он страдал от избыточного веса, был неуклюж, и спорт не доставлял ему особого удовольствия. У него был тонкий, довольно высокий голос, из-за чего он получил кличку Свин, от которой ему удалось избавиться только в последние годы.

Погруженный в свои мысли, в собственный внутренний мир, он всегда держался несколько отчужденно. Единственным его близким другом была мать. Она выхаживала его, когда он болел в детстве, защищала от насмешек отца, верила в него, любила и понимала его. Она умерла пять месяцев назад, в возрасте тридцати восьми лет, от сердечного приступа.

Мама была красавицей, и Харви гордился ею: когда она заезжала за ним в школу, он видел, как другие мальчишки и их родители провожали ее взглядами, и ему это нравилось. Когда же за ним заезжал отец, все было по-другому. Они никогда не ладили друг с другом, а с тех пор, как умерла мать, их отношения стали еще хуже.

Когда-нибудь он поймет: его отца возмущало то, что Харви, хотя и не унаследовал красоту матери, внешне был сильно на нее похож. И еще то, что она умерла, а он — жив. Многое поймет Харви Суайр в один прекрасный день.

Он начал завязывать шнурки своих крикетных бутс, не обращая внимания на разговоры и клацанье каблучков по камен-

ному полу, размышляя о письме, которое пришло утром и лежало в пиджаке, висящем на крючке над его головой. Энджи. Харви не ожидал получить от нее весточку после того, что произошло. Однако частичка его «я» чувствовала смущение и отвращение к тому, что он сделал. Он ясно представлял себе выражение ее лица, снова ощутил, как она отпрянула, и, покраснев, уставился в пол, на свои бутсы. Другая частичка его «я» говорила: «Ты заслужила это, сучка!»

Харви не мог понять, почему он так сильно злится на нее. Когда его мать умерла, Энджи сочувствовала ему, утешала его, она была неподдельно огорчена. Ей даже удалось заставить его отца улыбнуться, когда они вернулись с похорон домой. Но она не позволяла ему заходить дальше невинных прикосновений и вела себя так, будто делала ему одолжение. И тогда, десять дней назад, в последний вечер пасхальных каникул, перед возвращением в пансион, он силой заставил ее прикоснуться к нему: схватил ее руку, запихнул себе в брюки и держал там, пока она не вырвалась. Потом всю дорогу домой Энджи не желала с ним разговаривать.

А вот теперь совершенно неожиданно пришло письмо, точно такое же, как другие, которые она писала ему: на маленьком плотном листе бумаги, туго свернутом и пахнущем ее духами — многословное и ласковое, написанное крупным круглым почерком перьевой ручкой с голубыми чернилами.

«Любящая тебя Энджи. Тысяча поцелуев».

О том, что произошло, она даже не заикнулась.

Он завязал каждый шнурок на два узла. Послышалось шипение аэрозоля, и Харви почувствовал тошнотворно-сладкий запах «Брута». Дейкр стоял над ним и, морщась, разглядывал в зеркале свои прыщи. Потом он откинул со лба светлые волосы, побрызгал другую подмышку, пшикнул за пояс спортивных трусов и стал натягивать майку. Теперь у Дейкра был пунктик насчет запахов. Казалось, он твердо верил: чтобы набрать очки, достаточно найти соответствующий запах.

В раздевалку ввалился Роб Рекетт; на ходу жуя резинку, он громко пукнул.

— Господи, Рекетт, ты отвратителен, — сказал Дейкр.

Рекетт, большой, нескладный, надменный парень с каштановой челкой, полностью закрывающей лоб, в ответ выпятил свой зад и снова испортил воздух.

— Ты — вонючка, Рекетт, — сказал Уоррал.

— Он не воняет, он благоухает, — поправил его Уоллс-младший.

Рекетт надул из жвачки шар, который лопнул с резким хлопком, и, стягивая с себя галстук, объявил, что трахался с кухаркой ассистента преподавателя, огромной толстой девицей, которая, по слухам, всегда была готова, только попроси.

— Прямо как ненормальная, — продолжал Рекетт. — Кладет *его* куда хочешь, хоть в ухо. Всегда лучше иметь дело с кем постарше. Они от этого без ума.

Харви Суайр нашел описание Рекетта — «кладет *его* в ухо» — странно возбуждающим, но не мог понять почему. Он было подумал, а не приударить ли и ему за этой девицей, но больно она толстая и сальная, кожа у нее как у жареной индейки. Он не хотел, чтобы все это произошло так, ни в первый раз и ни в какой другой. Он попытался вообразить, как Энджи берет *его* и кладет себе в ухо. Вот это совсем другое дело.

Ее письмо неожиданно рассердило Харви. Облегчение, которое он почувствовал, получив его, сменилось злостью. Какая-то часть его «я» хотела, чтобы она была с ним неистовой, отвратительной. Но она такой не была, и он чувствовал себя чуть ли не обманутым.

— Господи Иисусе, ну ты и фу-ты ну-ты, Дейкр, — сказал Том Хансон.

— Отвали, Хансон, ладно? По крайней мере, от меня не воняет, как от чьей-нибудь задницы.

— Может, и не воняет, только ты здорово ее напоминаешь, — отпаривовал Хансон, открывая свой шкафчик и хохоча над собственной остротой.

— Фу-ты ну-ты в бутсах! — бросил Уоллс-младший, натягивая брюки; от ухмылки его лоб сморщился, и сквозь тонкий слой крема «Клерасил» на нем проступили прыщи.

— Если вы думаете, что я гомик, то как насчет той новой поп-группы с высокими голосами? Как они называются? Ты же знаешь, Харви. Вчера тебя чуть было не вырвало на их фото.

— «Шимпанзе», — ответил Харви Суайр.

— «Мартышки»¹, балда, — заметил Хорстед. — Господи, ты и взаправду серый, Суайр, не знаешь ровным счетом ничего.

Харви отбросил волосы с лица и кончил завязывать второй узел.

— Тебе никогда не поступить в медицинскую школу. Чтобы быть врачом, нужно хоть чуточку соображать.

Через восемь недель он будет держать экзамены первой степени: физика, химия, биология, — чтобы получить место в старой медицинской школе больницы Ее Величества, которую его отец окончил с отличием, получив специальность гинеколога и Королевскую медаль за отличную успеваемость; теперь медаль висит на стене в его клинике на Харлей-стрит. Квентин Суайр — сильный, энергичный человек. Он сколотил состояние, делая аборт заморским путешественницам; он выдержал яростные нападки журналюг из «Ньюс оф зе уорлд» и благополучно выиграл дело против них в суде.

Отец его учился также и в Уэсли, где теперь учился Харви. Квентин Суайр и здесь преуспевал как в науках, так и в спорте — его имя смотрело со всех почетных досок в холлах и коридорах. Крикет. Футбол. Хоккей. Университетская стипендия.

— Выходит новая долгоиграющая пластинка Битлов, — сказал кто-то.

Чей-то насмешливый фальцет пропел: «Земляничные поляны навсегда...»

— Я думаю, Битлы на самом деле очень даже паршиво играют, — сказал Уоррал.

— Да иди ты, Уоррал, они классные музыканты.

— «Пинк Флойд» в миллион раз лучше.

— Я собираюсь достать билеты на Боба Дилана, когда он снова будет выступать в августе. Ты пойдешь, Харви?

¹ Речь идет об американском поп-рок-квартете «The Monkees».

— Дилан — парень что надо, — подтвердил Дейкр.

Харви смотрел, как Рекетт стягивает брюки вместе с заляпанными трусами. У Рекетта был большущий обрезанный «петух», и Харви неожиданно подумал: а что, интересно, происходит с членами, когда мужчины умирают. Кто-то рассказывал ему, что повешенные умирают с эрекцией. Рекетт несколько раз прицелился своим «петухом», прежде чем записать его в спортивные трусы.

— Мэтлок в субботу прошел полный курс наук, — объявил Уоллс-младший.

Остальные с удивлением посмотрели на него.

— На полную катушку? — поинтересовался Дейкр.

Уоллс-младший кивнул.

— Не может быть. — В голосе Хорстеда слышалась зависть. — Как это ему удалось? Он же не выходил из танцевального зала.

— Он говорит, что проделал это, когда девчонки уже собрались уходить, перед тем как подошел автобус.

— Где?

— Да тут.

— Ерунда!

— Небось просто перепутал божий дар с яичницей.

— Я думаю, он говорит правду, — сказал Уоллс-младший.

— И как все прошло? — с интересом спросил Харви.

— Он всю неделю волновался, чуть не заболел, говорит, что пользовался резинкой, а она соскочила прямо в ней, и его корабль дал течь.

— Ну и задница, — сказал Пауэлл.

Хорстед подмигнул Суайру:

— Ты же перепихнулся с той птичкой, которую приводил на вечеринку к Рекетту на Пасху? Как ее зовут?

Харви покраснел и ничего не ответил.

— Почему ты никогда не говоришь об этом, Харви?

— Эй, кончайте, мы уже опаздываем. — Дейкр постучал по наручным часам и сунул под мышку крикетную биту.

Харви снял с крючка над головой свитер для крикета.

Бирка с его именем оторвалась и теперь держалась всего на одном стежке. Он некоторое время смотрел на нее: мелкие красные буковки на белом фоне: «Х. К. Э. Суайр»; на него нахлынули грустные воспоминания. Его мама пришивала метки в маленькой комнатке наверху, слушая, как всегда, пьесу по радио, она гладила, склонив голову набок, светлые пряди волос свешивались на одну сторону, красивое лицо ее выглядело немного усталым и печальным.

Интересно, как она сейчас. Иногда он ощущал ее присутствие. Недавно, на каникулах, она была в его комнате — он делал свои эксперименты, и, можно сказать, она отнеслась к этому одобрительно. Когда она была жива, он никогда не разрешал ей смотреть на свои опыты — знал, что она брезглива. Но теперь она мертва, так что все нормально.

— Эй, Харви, ты идешь?

Он схватил свою биту, и все с грохотом затопали по каменному полу и дальше вниз по дорожке к навесу из рифленого железа, где стояли велосипеды.

— Быстрее пешком дойдем, — заметил Пауэлл.

— Играем с «Горизонтом», ух и зададим им жару!

— Не гони, — сказал Дейкр, — ты тащишь наши биты. — Он вывел свой белый гоночный «клом батлер», ловко оседлал его и двинулся прямо на Харви, изо всей мочи звеня в звонок. — Эй, Харви, что с тобой? Сегодня ты засыпаешь на ходу.

— Он всегда засыпает на ходу, — съехидничал Пауэлл.

Велосипед задрезбужал, когда Дейкр описал круг по неподстриженной траве и, промчавшись вдоль боковой стены дома, не оглядываясь, выехал на улицу. Потом сделал крутой вираж и вернулся обратно.

— Поехали, через две минуты у меня жеребьевка.

— Ну и жеребись себе, — отозвался Пауэлл.

Харви взобрался на свой синий «роллей» и, не сразу поймав крутящиеся педали, неловко сунул ноги в крикетных бутсах в лямки. Дейкр бросился его обгонять, Харви с досадой свернул с дороги, и ему в нос ударил резкий запах «Брута».

— Харви, кто последний, тот дурак! — И Дейкр изо всей мочи ринулся вперед.

Харви притормозил, услышал, как заскрежетала цепь, и, тяжело нажимая на педали, поехал за ним вдоль боковой стены дома. Дейкр вылетел на улицу. Харви, давя на педали, кинулся ему вслед и вдруг услышал рев автомобильного гудка.

Краем глаза он увидел машину. Она казалась неподвижной, как на фотографии. Он так явно видел все детали, что и сам удивился. Большой «форд» унылого зеленого цвета со сверкающей хромированной решеткой. За рулем — женщина, ее волосы аккуратно завиты, будто она только что от парикмахера, в левой руке между двумя костлявыми пальцами в кольцах с драгоценными камнями — сигарета с фильтром. Блестящие красные губы сложены в кружок, словно она только что выпустила колечко дыма, глаза — одни сплошные белки — готовы выпрыгнуть из орбит.

Фотография изменилась — проектор перешел к следующему кадру: теперь машина надвигалась на него огромной тенью. Откуда-то послышался голос:

— Харви! Осторожно!

Ему почудилось, что кирпичная стена ударила его и подбросила в воздух. Лицо женщины стало ближе. Глаза ее еще больше вылезли из орбит. Он смотрел на нее откуда-то сверху, через лобовое стекло, руки ее были подняты к лицу. Он услышал, как она закричала.

Проектор щелкнул, теперь на переднем плане появилось лобовое стекло. За какие-то доли секунды до того, как он услышал звон, Харви почувствовал хруст где-то глубоко внутри своего тела; лобовое стекло взорвалось сверкающими брызгами. Раскаленные докрасна, они, казалось, жгли его лицо и руки в миллионе разных мест.

Он завис в воздухе, а брызги сыпались куда-то вниз, под него. Упало вниз и еще что-то, какая-то огромная тень. Сперва Харви подумал, что это его велосипед, или его свитер для крикета, или брюки. Он смотрел, как все это падало на брызги, потом ударилось о капот зеленого «форда» и отскочило, как тряпичная кукла. На капоте появилась большущая вмятина, с нее посыпалась краска. Тень взлетела в воздух, но несколько ниже его, затем снова стукнулась о крышу «форда»,

скатилась сбоку с багажника, с глухим шлепком плюхнулась на гудроновое шоссе и покатилась, яростно подпрыгивая, будто через нее пропустили электрический ток, пока наконец не замерла у бордюра.

Харви видел, как открылась дверца «форда» и женщина выбралась наружу, плача и причитая. Дейкр слезал с велосипеда. Рекетт неся через дорогу. Харви увидел свой велосипед, который попал под передний бампер «форда», — погнутое переднее колесо торчало под странным углом; некоторые спицы были сломаны и вывернуты наружу, и он в досаде прикидывал, удастся ли ему починить их так, чтобы отец ничего не узнал.

— Харви? Харви? С тобой все в порядке? — Дейкр встал на колени перед тем, что лежало в водосточной канаве, — перед тем, что упало с велосипеда.

И тут Харви с изумлением понял: то, над чем склонился Дейкр, был он сам.

Он смотрел на собственное тело. Он наблюдал за происходящим откуда-то сверху. Видел кровь, тонкой струйкой бежавшую по его собственному лбу.

— Не трогайте его! — крикнул кто-то.

— О господи, я задавила его! — визжала женщина.

— Вызывайте «скорую», — распорядился Дейкр.

Харви видел, как Дейкр лихорадочно нащупывал у него пульс; интересно, а знает ли он, что ищет, пришла ему в голову мысль. Он увидел, как Уоррал бросил свой велосипед на тротуар и побежал обратно в дом, крича:

— Мистер Мэтти, мистер Мэтти! Сэр, мистер Мэтти, сэр! Сэр! Сэр!

Харви увидел, как «остин», ехавший в другую сторону, резко остановился и мужчина в голубом блейзере выпрыгнул из него и побежал через дорогу.

— Я врач, — сказал он.

— Я не видела его! — кричала женщина. — О боже, я не видела его!

Открылась парадная дверь, и из дома выскочила женщина — миссис Мэтти, жена заведующего пансионом. Она спо-

ткнулась и растянулась во весь рост. Харви видел, как врач опустился на колени рядом с ним и стал щупать его пульс.

Доктор замер в напряженной позе, рука его скользнула к груди, ближе к сердцу. Затем он увидел, как доктор раздвинул его челюсти, открыл ему рот и полез туда рукой.

— Он проглотил язык, — сказал он в панике. — Кто-нибудь вызвал неотложку?

— Да, сэр, — сказал Дейкр.

Врач вытянул язык Харви наружу. Тот увидел, что его лицо посинело.

— Как долго он пробыл в таком состоянии? — спросил врач, действуя быстро и методично.

— Всего несколько секунд.

Он уложил Харви на спину, сложил руки крест-накрест и с силой надавил ему на грудь. Затем снова, на этот раз более настойчиво. Минуту-другую он внимательно смотрел на Харви, потом надавил еще и еще, его движения становились все яростнее.

Еле переводя дух, подбежала жена заведующего:

— С ним все в порядке? Он жив?

Не переставая делать искусственное дыхание, врач бросил:

— Нет, он не дышит.

— Со мной все в порядке, — произнес Харви. — Со мной правда все хорошо, все отлично! — Но губы его не шевелились, ни единого звука не вырвалось из его рта. Он снова попытался что-нибудь сказать, но неожиданно почувствовал, что его засасывает куда-то вверх. Что-то тянуло его отсюда, но он не хотел уходить. — Нет! — крикнул он. — Нет!

И снова ни звука не слетело с губ того, кто неподвижно лежал между коленями доктора. Вокруг Харви сомкнулась тьма. Стало холодно, страшно холодно. Он почувствовал себя одиноким и беспомощным. На него навалился страх. Харви окружали стены туннеля, в который его засасывало, как муху в водосток, и он летел со свистом, крутясь в водовороте тьмы.

Казалось, что он возвращается в этом водовороте уже целую вечность, замерзая все сильнее и сильнее. Затем он увидел вдалеке крошечное пятнышко света — с булавочную головку — и почувствовал первое слабое дуновение тепла.

Свет становился все ярче, и вместе с ним по туннелю разливалось тепло, оно просачивалось в него, растапливая все его страхи, сливаясь с ним воедино, становясь частью его, придавая ему новую, неизведанную энергию.

Потом он погрузился в свет, и туннель исчез. Полет прекратился. Свет был ярким, но не слепил, казалось, он тек через него так же, как просачивалось сквозь него тепло, и Харви почувствовал, что в этом свете есть кто-то еще, но кто — он не мог разглядеть.

На мгновение он ощутил восторг. Хорошо бы остаться здесь, в этом светлом месте, и никогда отсюда не уходить.

Затем мужской голос спокойно, несколько укоризненно произнес:

— Что ты наделал, Харви? Думаешь, ты поступаешь разумно?

Голос заставил его задрожать от холода. Меркнувший свет тоже стал холодным, вскоре он иссяк, и Харви остался стоять на открытом пространстве — что-то вроде просеки в лесу под серым небом. Он почувствовал себя выставленным напоказ, как будто вокруг были люди, которые пристально смотрели на него. Харви огляделся. Никого. Лишь пустынные поля, простирающиеся до самого горизонта.

И тогда Харви услышал голос своей матери:

— Дорогой!

Навстречу двигалась неясная, расплывчатая фигура; приближаясь, она становилась темнее и темнее. Женщина шла медленно, грациозно, легко — казалось, в ее распоряжении целая вечность, чтобы подойти к нему.

И внезапно он отчетливо увидел знакомые светлые пряди волос, безмятежную улыбку, летнее платье, то, которое ему всегда так нравилось.

Огромная радость захлестнула его, он протянул к женщине руки и попытался подбежать поближе.

— Мамочка! — закричал Харви.

Его голос был до странности невыразительным, будто он кричал из-под воды. Он не мог пошевелиться, не мог сдвинуться с места и стоял, простирая к матери руки, ему хотелось дотянуться до нее, коснуться ее, заключить в объятия.

Мать остановилась в нескольких ярдах от него и просияла улыбкой, полной неподдельной любви.

— Тебе нужно вернуться обратно, дорогой, — сказала она.

Из серого сумрака за ней возникли какие-то темные фигуры — безликие, похожие на тени.

— Мамочка! Как ты? — Он пытался подбежать к ней, но не мог двинуться с места.

— Дорогой, Господь очень тобой недоволен.

— Почему? — выдавил Харви.

Темные тени подступали ближе и ближе, окружая его, отъединя от матери.

— Потому что ты...

Дальше было не разобрать. Теперь она пыталась перекрыть толпу, но темные тени засасывали ее слова.

— Почему? — Харви снова рванулся к ней, но ледяные руки отталкивали его прочь. — Почему? — завопил он.

Тени продолжали толкать его.

— Дайте мне поговорить с ней! Пустите!

Харви пытался сопротивляться, но безуспешно.

— Тебе нужно возвращаться обратно, — сказал чей-то голос.

— Она не хочет, чтобы ты оставался тут, — произнес другой голос.

— Она больше не хочет видеть тебя здесь, — добавил третий.

— Вы лжете! — закричал Харви, пытаясь вырваться из холодных рук, которые вцепились в него.

Он чувствовал ледяное дыхание теней — как холодный воздух из морозильника. Свет стал меркнуть. Харви куда-то падал.

Понедельник, 22 октября 1990 года

Кэт Хемингуэй пробудилась от беспокойного сна в половине седьмого под позывные радиоприемника. Она прослушала новости, как делала каждое утро, затем нажала кнопку «Пауза» и, наслаждаясь тишиной и уютным теплом постели, попыталась вернуть ускользающее сновидение.

Теперь ей почти каждую ночь снились тревожные сны — она понимала, что причиной их было беспокойство о новой работе, или о Даре, сестре, или о неудачном романе, который недавно закончился катастрофой.

Возраст Кэт Хемингуэй исчислялся двадцатью четырьмя годами, а рост — пятью футами пятью дюймами. Уроженка Бостона, она была крепкой и стройной, с серо-голубыми, сверкающими энергией глазами, высокими скулами, небольшим прямым носом и улыбчивым ртом с хорошими зубами, за которыми она тщательно следила. С длинными, небрежно взбитыми по последней моде волосами, свежим, здоровым цветом лица, она являла собой типичный образец блистательной американской девушки — студентки колледжа; лишь немногие мужчины не проявляли к ней интереса, а некоторые женщины даже завидовали.

Кэт была неглупой девушкой, много читала и любила побыть наедине с собой, точно так же любила она и приятную компанию.

Ей не хватало только двух вещей — уверенности в себе и поклонника. Сарказм и презрение старшей сестры Дары, которой, кажется, в детстве доставалась вся любовь родителей,

недостаток их внимания к Кэт — все это поселило в ней нерешительность. Она сомневалась в собственной привлекательности, поэтому упорно трудилась, чтобы оставаться в форме: питалась разумно, не потакавая своим прихотям, — у Кэт был хороший аппетит, и она знала толк в еде и вине, — и бегала по выходным трусцой. Сейчас, впервые за долгое время, ее жизнь складывалась удачно. У нее была работа, которая ей нравилась, в городе, куда она приехала, никого не зная, и который уже успела полюбить, жила в квартире, обустроенной собственными руками, и гордилась этим.

Даже три месяца спустя работа репортера в местной газете «Суссекс ивинг ньюс» все еще казалась ей новой и волнующей, и она с нетерпением ждала каждого дня — отсюда вполне возможно шагнуть на Флит-стрит. Эта газета не то что еженедельный листок, в котором она работала раньше в Бирмингеме.

Ее уверенность в себе росла, а раны от последней любовной связи заживали. Получить работу в новостном издании — настоящий прорыв в карьере, хотя ее старшая сестра, запертая в своей Вашингтонской двухэтажной квартире, никогда не сможет этого понять. Дара издевалась над ней по разным причинам — младшая сестра не была замужем, не имела детей и до сих пор ничего не достигла. Дара, экономист в Вашингтоне, вышла замуж за богатого адвоката, питающего надежды стать сенатором, и имела троих детей, которые были само совершенство. Очень мягко — как это умела только она, — но постоянно Дара напоминала Кэт, что та неудачница, и временами Кэт опасалась, что сестра окажется права.

Тони Арнольд стал ее погибелью. Связь окончилась ничем. И все-таки, черт побери, Кэт не могла выбросить его из головы и вспоминала о нем всякий раз, когда до нее доносился запах «Пако Рабанна». Кэт нравилось думать, что она поначалу не представляла себе, как далеко все это зайдет. Но она понимала, что лжет себе. Он был заместителем главного редактора в газете «Бирмингем мессенджер» — должность, которая ей, тогда двадцатидвухлетней, казалась невероятно высокой, — и интерес Тони ей льстил.

Прежде у нее никогда не случалось романов с женатыми мужчинами. Сначала это было игрой, и Кэт не сразу поняла, что сильно влюбилась. Полтора года она покорно соблюдала конспирацию, изо всех сил стараясь, чтобы ничего не выплыло наружу; готовила Тони обеды, которые у него никогда не хватало времени съесть, и проводила уик-энды, поджидая, когда он сможет выкроить для нее часок. Тони постоянно повторял ей, что его брак находится на грани краха, и они планировали свое совместное будущее.

Но однажды в субботу она наткнулась на Тони в супермаркете — он шел рука об руку с женой, следом за ними плелись трое милых детишек. Кэт обменялась с ним коротким взглядом и неожиданно поняла, как плохо она разбирается в жизни.

Вскоре после этого ему предложили место редактора в одной из шотландских газет, и он не позвал ее с собой. Вместо этого он замолвил за нее словечко, когда в «Суссекс ивнинг ньюс» появилась вакансия. Они ушли из «Бирмингем мессенджер» друг за другом, с недельной разницей, и с тех пор она о нем ничего не слышала.

Кэт приехала в Англию, когда ей было четырнадцать, со своими родителями и Дарой. Мать ее была родом из небольшого городка, в шестидесятых годах она покинула отчий дом — так делала тогда половина Америки. У нее был старший брат, Хауи, который утонул во время морской прогулки, именно его смерть и послужила причиной переезда. Отец, преподаватель английского языка в Гарвардском университете, подумал, что перемена обстановки будет для них неплохим лекарством, и согласился занять на два года вакансию в Лондонском университете; он проработал здесь пять лет.

Они вели богемную жизнь в доме, построенном в викторианском стиле и продуваемом сквозняками, в районе Хайгейта. Кэт не была уверена, что послужило причиной: паршивое ли отопление и спартанская обстановка с голыми дубовыми полами и половиками из дерюги, с афганскими коврами на стенах; или баловавшиеся наркотиками студенты-постояльцы, которым нужно было помогать с арендной платой и которые постоянно выпивали молоко и повсюду оставляли за со-

бой немытые тарелки; или же постоянное философствование отца о «свободной любви» (свои теории он воплощал в действительность), — но в конце концов терпение матери лопнуло, и она сбежала с приятным, но скучным инженером-строителем, у которого был уютный современный дом в Чиме. Вскоре после этого его послали руководить проектом в Гонконге, и мать теперь жила там вместе с ним...

Отец вернулся в Бостон, а Кэт осталась в Англии. Дара получила стипендию в Беркли. Кэт понимала: она осталась, с одной стороны, чтобы доказать что-то Даре, с другой — чтобы избавиться от ее влияния.

С Ла-Манша дул холодный соленый ветер, он катил по темной улице вдоль водосточных канав палую листву, стучал ставнями домов эпохи короля Эдуарда. Кэт почувствовала холодный воздух на своем лице и неохотно приподнялась, опершись о медные прутья изголовья; последний непрочитанный раздел «Санди таймс» соскользнул с пухового одеяла и присоединился к кипе других воскресных газет на полу.

Она спустила ноги на белый лохматый коврик. Холодный воздух пронзил ее до костей. Движением головы она откинула с лица спутанные светлые волосы и обняла себя руками, стараясь удержать остатки тепла в ночной рубашке, потом прошлепала по ковру и, с трудом справившись со шпингалетами, наконец закрыла окно, избежав царапин на пальцах.

От ребристого чугунного радиатора по комнате разлилось тепло, Кэт протерла пальцами запотевшее стекло и стала смотреть сквозь образовавшуюся проталину на скучное девятиэтажное здание Страховой компании взаимопомощи. Там горел свет, и по всему зданию передвигались уборщики. Некоторые служащие уже приступили к работе.

Три месяца назад, подписывая договор о найме немеблированной квартиры на год, Кэт обратила внимание, что арендная плата была несколько ниже — из-за того, что окна выходили не на природу, но, поскольку большую часть времени девушка проводила на службе, для нее это не имело значения. Кроме того, у Кэт никогда не было жилья с хорошим видом из окон.

Джеймс П.

Д 40 За сумеречным порогом : роман / Питер Джеймс ; пер. с англ. О. Сидоровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-16488-8

В погоне за сенсационным материалом начинающая журналистка Кэт едет на маленькое церковное кладбище, где, по слухам, заживо похоронили молодую женщину. Слухи оказываются ужасной правдой, и Кэт пишет об этом репортаж, но его снимают с первой полосы и сокращают до нескольких строк. Девушка понимает, что кто-то пытается замять шумиху вокруг этого трагического случая. Возможно, этот «кто-то» преступник... Кэт начинает самостоятельное расследование, и ей открываются все более шокирующие подробности. Она отмахивается от предупреждения об опасности, переданного медиумом, не подозревая, что знает преступника в лицо...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ПИТЕР ДЖЕЙМС
ЗА СУМЕРЕЧНЫМ ПОРОГОМ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Татьяна Бородулина, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.04.2019. Формат издания $75 \times 100 \frac{1}{32}$.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 18,33.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-24936-01-R